

Когда человек думает о душе

Авангардная и классическая музыка в представлении Николая Петрова

Сергей Шаповал

В Москве в Оружейной палате проходит международный фестиваль «Кремль музыкальный». Его программа всегда разнообразна и отличается тем, что в ней участвует много молодых исполнителей. Фестиваль организован по инициативе благотворительного Фонда Николая Петрова.

Николай Арнольдович, как бы вы определили специфику фестиваля «Кремль музыкальный»?

— Мы изначально не ставили перед собой никаких сверхзадач. Пригласить международных звезд вроде Пласидо Доминго или Евгения Кисина мы не можем — не столь мы богаты. Наша задача — помочь тем музыкантам, которые по разным, зачастую совершенно необъективным, причинам оказываются недопущенными к эстраде.

— Скажите несколько слов о деятельности фонда вашего имени.

— Собственно, фестиваль и есть одна из сторон его функционирования. Наш фестиваль традиционно вызывает большой интерес. Мы очень благодарны телевидению, которое снимает все концерты фестиваля. Ограниченное количество слушателей, способное разместиться в Оружейной палате, расширяется в тысячи раз, поскольку через три-четыре недели после завершения фестиваля все его концерты будут транслироваться по телевидению.

— А на какие средства существует фонд?

— Естественно, на благотворительные поступления. Прямо скажу, что наша финансовая ситуация далеко не блестящая, но все же есть определенное количество финансовых учреждений, бизнесменов и просто обеспеченных людей, которые нас поддерживают и позволяют нам свести концы с концами. За

Я утверждаю, что музыка без эмоций — мертвая музыка

На этом фестивале, как, впрочем, и всегда, много времени отведено молодежи. Выступают сыновья наших выдающихся музыкантов: сын Павла Когана, внук великого Леонида Борисовича Когана Дима и сын Александра Рудина, блистательного виолончелиста и дирижера, Иван. В концертах принимают участие стипендиаты нашего фонда в возрастном диапазоне от 12 до 17 лет. Словом, много интересного — всего не перечислишь. На открытии фестиваля ваш покорный слуга выступил с сольной романтической программой, а в день закрытия я сыграл 27-й фортепианный концерт Моцарта с камерным оркестром «Musica Viva».

счет этого мы можем помогать молодым и старым, что является одной из главных задач нашего фонда.

— Основные пожертвователи — это наши люди и организации?

— Не только наши, есть и иностранцы. Нам помогают некоторые западные фирмы, которые имеют свои представительства в Москве. В этом году наш фестиваль украсил новый рояль фирмы «Seiler», любезно переданный фонду президентом фирмы Урсолой Зайлер. Это замечательный инструмент, я ездил в Германию и лично отбирал его на фабрике. Думаю, наши меломаны оценят его в полной мере.

Независимая газ. 2002-26 апр. - с. 13

Николай Петров: «Концерт должен иметь прелесть первой брачной ночи».

Фото ИТАР-ТАСС

— Если взглянуть на анонсированную музыку, становится ясно, что фестиваль ограничивается исключительно классикой. Почему не происходит вторжения в сферу музыки современной?

— Есть ряд композиторов, например Регер и Хиндемит, которых я чрезвычайно уважаю, но у меня нет ни малейшего желания их играть. Количество затраченного — очень небольшого — труда совершенно не соответствует резонансу у публики. Поверьте мне, это не погоня за дополнительными аплодисментами, не лежит у меня к этой музыке душа. В Москве есть определенный круг музыкантов, очень мною уважаемых, которые занимаются продвижением современной авангардной музыки. Я тем не менее настаиваю: большинство музыкальной публики хочет слушать Шуберта, Брамса, Шопе-

на, Листа, Баха и т.д. Что касается современных произведений, то они продемонстрируют свою жизнеспособность после смерти их создателей.

— Из ваших слов можно сделать вывод: существует музыка классическая, которая устоялась в сознании многих поколений, и некая музыка, претендующая на статус серьезной, но фактически находящаяся в андерграунде.

— Я, будучи человеком достаточно хорошо воспитанным, никогда не позволю себе сказать, что эта музыка плоха. Даже если буду так считать. Просто мне такая музыка чужда. Для меня вполне удовлетворительным является уровень авангардности музыки Прокофьева, Стравинского, Шостаковича, к этому списку я мог бы добавить не больше трех современных композиторов. Беда авангардной музыки, с моей

точки зрения, заключается в том, что она зачастую очень грамотная, но совершенно лишена эмоций. А музыка без эмоций — это все равно, что суп без соли.

— А вы пытались в нее проникнуть или она вам неинтересна в принципе?

— За почти шестьдесят лет жизни у меня сложились отношения с самыми разными композиторами: можете себе представить, сколько произведений мне предлагали сыграть! Когда меня музыка заинтересовала, я готов играть ее, невзирая на какие бы то ни было условности. Например, 10 мая в Большом зале консерватории я буду играть программу из произведений московского композитора Николая Капустина. Он всю свою жизнь посвятил джазу, так или иначе все его сочинения соприкасаются с этим мною очень любимым музыкальным жан-

ром. Причем отмечу: не он меня просил исполнить его произведения, а я позвонил ему и обратился с просьбой дать мне его сочинения.

В свое время дирижер Геннадий Рождественский задал мне вопрос: «Знаешь ли ты, Коля, двух композиторов, которые никогда не просили меня исполнить их сочинения?» Я угадал: Шостакович и Шнитке. Они действительно никогда никого не просили играть их произведения. Это вызывает уважение. А когда ты приходишь на какой-нибудь светский раут и там тебя поджидает некий композитор с портфелем, в котором на всякий случай лежит несколько экземпляров какой-нибудь сонаты, у меня к нему возникает соответствующее отношение.

— Вы привели в пример Регера и Хиндемита, которых вы уважаете, но играть не будете, а где та граница, за которой вы автора и не уважаете, и играть не будете?

— Лет десять назад мною был сыгран чрезвычайно авангардный концерт болгарского композитора Георги Минчева. Потом я его играл довольно много и с удовольствием, потому что это произведение сочтется эмоцией при всей своей немалой сложности и современности. А делать из искусства, так сказать, Эйфелеву башню, в которой скелет есть, а мяса нет, мне совершенно неинтересно.

— То есть граница, о которой я спрашивал, — это исключительно эмоциональность?

— Да, эмоциональное начало в музыке. Я утверждаю, что музыка без эмоций — мертвая музыка.

— Достаточно субъективный критерий...

— Вовсе нет. Человек, умеющий без грамматических ошибок написать заявление в домоуправление, не может претендовать на звание литератора, он всего лишь грамотный человек. Если он объявит себя равным Булгакову, ясно, в каком состоянии его психика. Когда создается некая система, возникает ситуация: человек может эту систему

изучить и абсолютно правильно писать в ее рамках. И вот здесь дело в эмоциональности.

— Если я, например, стану вас убеждать в том, что я получаю эмоциональный заряд от музыки Штокхаузена или Кейджа...

— Я скажу: безумно за вас счастливы, что вы ушли так далеко по сравнению со мной! Я проявляю абсолютную толерантность. Вам нравится, когда играют локтями, ягодицами, когда на сцене сморкаются, свистят, пугают — ради бога! Я все эти отправления стараюсь совершать в соответствующих местах.

Кстати, о Штокхаузене. Однажды я зашел на его концерт в Италии, так вот на сцене людей было больше, чем слушателей в зале.

— Количество слушателей не самый убойный аргумент, поп-концерты собирают целые стадионы... Я хотел бы обратиться еще к одной стороне вашей деятельности: вы остаетесь членом Совета по культуре и искусству при президенте. Эта структура действующая или номинальная?

— На сегодняшний момент было одно заседание этого совета. Президент пообещал, что его работа станет постоянной. Будем ждать.

— К чему эта работа должна сводиться?

— Поскольку тему разговора задает президент, я не считаю возможным ответить на этот вопрос. Прошедшее заседание совета было посвящено подрастающему поколению, разговор шел о том, как прекрасное может участвовать в улучшении нелегкой жизни молодого поколения.

— А в каком состоянии находится комиссия по музыкальному наследию, которую вы возглавляете в рамках совета?

— Еще при Ельцине я сказал, что не считаю возможным собирать двадцать уважаемых человек, отрывая их от дел, потому что на первый же вопрос будет получен ответ: «Нет денег». Насколько я понимаю, сейчас

совет реструктурировался, из него выведены чиновники. Первое заседание совета вызвало у меня большой интерес, президент в конце сказал, что мы не можем считать это заседание закрытым, потому что необходима доработка обсуждавшихся вопросов. У меня появилась надежда на работоспособность совета.

— Вы уже много лет совмещаете концертную деятельность с довольно активной общественной...

— Хочу сделать важное заявление: я никогда в жизни никому себя не предлагал. Ни один человек не может сказать, что ему позвонил Петров и попросил устроить ему концерты или принять в какую-нибудь организацию! Но когда звонят мне и предлагают поучаствовать в каком-либо деле, я соглашаюсь, если понимаю, что могу изменить к лучшему сложившуюся ситуацию. Несмотря на то что я вхожу во многие организации, ни в одной из них я не исполняю роль поручика Кижее.

— Я хотел спросить, не мешает ли вам такая активность думать о душе?

— В течение уже тридцати лет я только и делаю, что думаю о душе. В тот момент, когда я переехал из Москвы к себе на дачу, я стал очень активно это делать. Я ограничил свое участие во всякого рода мероприятиях и тусовках. В последнее время сократил количество даваемых мною концертов, не беру очень длительных гастролей. Я очень завидую моим коллегам, уважаемым и любимым мною музыкантам, которые могут играть по 180–200 концертов в год. Я не могу. И не потому, что не выдерживаю физических нагрузок, а потому, что я убежден: встреча с публикой должна быть столь же волнующей, как и встреча с любимой женщиной. Для этого не должно существовать омерзительных понятий «супружеские обязанности» и «музыкальные обязанности». Короче говоря, концерт должен иметь прелесть первой брачной ночи. Не может быть в течение года двухсот первых брачных ночей! ■